

84P7 (2P53-4Vem)

4-48

НИКОЛАЙ ЧЕРКАСОВ

**Далекое
и
Близкое**

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.....

ЦБ

84 P7 (2P53-4Кем)
4-48

Николай Черкасов

Далекое
и
Близкое

86345-3-4

Юргинская районная
центральный в
Библиотечная служба
Кемеровской обл.

Юргинская районная
Библиотечная служба
Кемеровской обл.

Юрга
2011

Черкасов Николай Николаевич родился 20 мая 1924 года в г. Барнаул Алтайского края.

Ветеран Великой отечественной войны, участник Сталинградской битвы. В составе войск Советской армии с боями прошел от Сталинграда до Праги, где и встретил нашу Победу над гитлеровцами. Награжден орденом Великой Отечественной войны и четырьмя боевыми медалями. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Отличник народного просвещения, лауреат премии Кузбасса, почетный гражданин города Юрга, член Кузбасского союза писателей. Учитель, художник, артист.

В Юрге живет с 1956 года.

Версия

Версия — что это?

Это, в общем, мнение

И оно основано на фактах.

Иногда же и в предположениях

В домыслах, в бесчисленных
догадках.

Версия быть может объективной.

И весьма сомнительной порой.

Сфабрикованной и агрессивной,

Призывающей нередко в бой.

И в судах, в науке и культуре.

В диспутах и спорах как всегда.

И как водится в литературе

В версиях сюжет весь иногда.

Так и я в своих стихах обычно

Выдвигаю версии под час

Тех событий с чем знаком сам лично

И желаю познакомить с этим Вас!

Но за догму принимать не надо

Версию предложенную мной.

Нет бесспорного на свете взгляда

Ведь у каждого он будет свой.

И версия как правда жизни

У каждого наверное своя.

Мне близок мир в социализме

И в этом видно версия моя.

Теперь уже живу в воспоминаньях

И это отражается в стихах.

И в этих откровеньях и дерзаньях

Не вижу криминала и греха.

Я версией зову стихи свои

В них точку зрения не редко

утверждаю

И эти откровения мои

Надеюсь всегда верными бывают.

И опыт тот что в жизни приобрел

Бесспорно мне дает на это право

Мой бог меня дорогами провел

Где иль критиковали,

иль кричали браво.

Но несмотря на это оставался

Всегда самим собою в жизни я

И до преклонных лет своих старался

Не нарушать законы бытия.

Да и сейчас на склоне лет уже

Не сомневаясь в том почти уверен

Что на своем последнем рубеже

Я своим версиям как прежде верен.

Жизнь свою прожив активно,

То в труде, а то в бою

Научился объективно

Понимать все что творю.

Иногда через хотенья

В деле мог перешагнуть

Если знал что без сомненья

Этот верным будет путь.

Но порой в одно мгновенье,

Субъективно вдруг взглянув
Мог в порыве вдохновенья
В мир своей души шагнуть.
Ну а там сплошные дебри
Всех желаний, разных чувств.
И где творчество не дремлет
Уж на поприще искусств.
Так что многие творенья
В жизни созданные мной
Средь картин, стихотворений
Субъективные порой.
И естественно все это—
Нет художника, поэта
Объективного вполне.
Все кудесники оне.

Когда стареет человек
Тогда уж миру оставляет
Он все что нажил за свой век
И постепенно умирает.
Не мудрено ведь умереть
Такое может с каждым статься.
И как на это посмотреть,
Кому то вечно жить удастся.
И здесь уж старость не причем,
Для смерти старость не причина.
Случалось: жизнь кипит ключом
У юности перед кончиной,
И если трезво посмотреть

Вообще на факт существования
Бывает кроме жизни смерть
Порой чтоб победить страданья.
И здесь опять вопрос встает
Кому даны права такие
Остановить чтоб жизни ход
Пока на свете есть живые.
К тому же в памяти живых
Уже останутся навечно
Деянья прежних предков их
Как факт бесспорно безупречный.

Родить дитя довольно сложно
Еще сложнее воспитать.
И это лишь тому возможно
Кто с честью носит имя мать!
Мы все когда-то появились
На белый свет, и ты и я.
Точней сказать: просто родились
В момент чудесный бытия.
И бытие бывает разным
Это понятно всем без слов
И безобразным и прекрасным
Так что к всему ты будь готов.
И не надейся кстати очень
Ты на везение в судьбе
А постарайся дни и ночи
Прожить с доверием к себе.
Не для красивого словечка

Я говорю о том сейчас,
Весной бывает даже речка
В себе уверена под час.
И заявляет в половодье
О своем так же бытие
Порою даже слишком вроде
Разлившись вольно по земле.

В жизни каждый человек,
Среди радостей и бед,
Прошагав свой бранный век
Отпечатывает след.
Этот след быть может разным
Все зависит от того
Был ли человек прекрасным
Членом века своего.
Был ли миру он полезен,
Верным Родине своей
Справедливым, смелым, честным,
И надежным для друзей.
Был здоровым и счастливым
С добрым сердцем и душой
И богатым и красивым
И легко по жизни шел.
Достигая своих целей
Славных творческих побед,
В каждом важном нужном деле
Оставляя добрый след.

Человек живет ведь для чего то
Потому и создал его Бог
Мир становится блаженством
для кого-то
Если он его осилить смог
Но бывает это редко в жизни,
Чаще ему суждено страдать.
Если он, служа своей отчизне
Ей всего себя готов отдать.
Но встречаются моральные уроды
Ни Богу свечка, ни черту кочерга
Они сжигают безрассудно годы
Во имя зла, несчастий и вреда.
С ними жить и трудно и опасно,
Но избавиться от этого дерьма
К сожаленью невозможно, это ясно,
Их плодит история сама.
Но резона нет мириться с этим,
Следует условия создать
Чтобы стало делом основным
на свете
Душу в человеке воспитать.

Кому —то снова покажусь
нескромным,
Но не могу сегодня умолчать
О нашем ратном подвиге огромном,
Свершенном для тебя Россия-мать!

Мы были патриотами отчизны
И ей служили сердцем и душой.
Во имя мира и счастливой жизни
С надеждою и верою большой.
И отдавали силы без остатка
В труде, в бою, на вахте славных дел.
У нас во всем уверенная хватка
И не знаком нам никакой предел.
И шли к победам мы
без компромиссов.

И за ценою не стояли мы
И не нуждались
в посторонних визах
В преодоленье всякой кутерьмы.
Мы уважаем славу наших предков
Память о них храним
в своих сердцах

И мы, гордясь
российскою отметкой,
Во всех делах верны ей до конца.
И из седла нас вышибить не просто.
Мы в бой идем за правые дела,
Не соблюдая нормативов ГОСТа,
На это совесть право нам дала.

В мир неприкаянной души
Проникнуть не легко бывает
Она открыться не спешит
И чувств своих не обнажает.

Тайны она хранит в себе
Ей откровенье не знакомо.
Все на замке в ее судьбе
Так как у рыцаря скупого.
С такой душою трудно жить
Любому смертному наверно.
Она не может честной быть
С друзьями, и тем паче верной.
В этом несчастье ее
И не вина, беда скорее.
Она и жесткость обретет
Там где хозяин уж стареет.
Чтоб избежать такой беды
Надо прожить с любовью, с верой.
Оставить добрые следы
Потомкам в жизни для примера.

О женщине стихов сложили много,
И кажется все сказано о ней.
Но ни стихи, ни песни воссоздать
не могут
Волшебный образ,
воплощенный в ней.
Тот образ надо чувствовать и видеть,
Проникнув в него сердцем и душой.
Чтоб в радости, а иногда в обиде
Прозрение достойное пришло.
Есть много тайн
непознанных доселе

Одной из них является она.
К которой прикоснуться вы посмели
И оказались в омуте без дна.
Здесь истину искать, наверное,
не надо
И проще будет все принять как есть.
И женщина останется наградой
Мужчинам тем в ком есть любовь
и честь.

Жизнь человека коротка,
И время быстро ее гонит.
Мелькают дни, лета, века,
Кто-то смеется, кто-то стонет.
И все зависит от судьбы,
Какая выпала на долю:
Кому-то в радости, в любви,
Кому-то в горести и с болью.
Но если в сердце воля есть,
И человек с природой дружит,
Он все сумеет перенести
И силу духа обнаружить.

То, что было, все прошло,
Унесло с собою время.
И в России подросло
Молодое уже племя.
Разнородное, притом,

Без особых установок,
И при выборе своем,
Без указки в жизни тропок.
Где свобода, беспредел,
Нет вообще идеологий.
Словом, что ты захотел,
То и делай без подмоги.
Лишь надейся на себя,
На свой труд, талант и опыт,
Чтоб наградой для тебя
Стал успех, что честно добыт.
Честь и совесть сбереги,
Не поддайся искушениям.
Знай, что много на пути
Унизительных мгновений.

Живут волшебники на свете,
Творя прекрасные мгновенья.
Средь них и взрослые, и дети
Во власти светлой вдохновенья.
Это художники, умельцы
Из нашей школы ДХШ,
У них отзывчивое сердце
И очень чуткая душа.
Гляжу на их произведения,
В груди испытывая чувства
От чар прелестного виденья
Как дар волшебного искусства.
И хочется сказать мне: «Браво

Вам мои юные друзья,
Успехов вам, виват и слава!»
Иначе высказать нельзя.

Где-то, что-то о любви
Я писал когда-то.
Но те дни давно прошли.
Я — старик, ребята.
Кровь моя уже не та,
В ней так много шлаков,
Что не греет в холода
Без огня, однако.
А любви нужен огонь —
Пламя с юной кровью.
Так что ты меня не тронь
Со своей любовью.
Но хотя ко мне пришла,
Не спросясь, внезапно старость,
Всех же чувств не унесла,
Еще кое-что осталось.
К тому же как еще понять,
Ведь любовь — большое чувство,
С ней могу стихи писать,
Без нее же нет искусства.
Так что, в общем то, любовь
До сих пор мне помогает
Жить, творить и вновь, и вновь.
Понимать: она святая.
Знать: любовь не умирает.

Не надо быть амбициозным.
Нет в этом толку для тебя.
И ясно — рано или поздно
Осудишь, друг, ты сам себя.
Когда ж в тебе взиграет гонор,
И спесь в душе заговорит,
Ты успокой свой этот норов,
Чтобы потом смешным не быть.
Так я считал и так считаю,
И так всегда буду считать.
Попроще к людям быть желаю
И поскромнее, так сказать.
Если ты знаешь и умеешь
Больше других и лучше их,
То все равно, мой друг, не смеешь
Ты свысока глядеть на них.
Заносчивость плохое свойство
Для честных, пламенных сердец,
Бравада так же не геройство,
С ними никак не совместим боец.
И если ты поймешь все это
И укротишь свой вздорный нрав,
Проникнув в смысл стихов поэта,
То согласишься, что я прав.

Не осуждай меня ты строго,
Не будь наивною такой,
И знай у каждого порога

Я остаюсь самым собой.
Меня воспитывать уж поздно,
Ведь воспитала жизнь сполна,
Еще когда гремела грозно,
Над нашей Родиной война.
Прошли мы школу там большую
Для чувств, ума, сердец, души
И силу обрели такую,
Чтобы Победу совершить.
Сейчас на свете нет наверно
Того, что может изменить
К отчизне преданности верной
В нас, ей умеющих служить.
Мы с нею все привыкли мерить
На честь, отвагу, совесть, долг,
Не спекулируя доверьем,
И в этом видим в жизни толк.
Так что учить меня не стоит,
Уже обучен я вполне.
Образованье простое
В труде, в бою досталось мне.

Песня — это допинг для души.
Если даже рядом смерть шагает,
Умирать солдат не поспешит,
Песня ему выжить помогает.
Это не для рифмы говорю,
Так как видел сам в боях, поверьте!
Что в атаках воины поют

Песни, не стесняясь даже смерти.
И тогда им жизнь «по барабану»,
Лишь бы силу духа сохранить,
Песнею зажав и боль, и рану,
Чтоб врага в сраженье победить.
А когда земля и небо чисты
От войны, страданий, бед и мук,
И сияет мира свет лучистый,
Песни заполняют все вокруг:
В небесах, на море и на суше,
И на стройках, в поле и цехах.
Песня, растревожив наши души,
Зажигает счастья свет в глазах
У людей и молодых, и старых,
У мужчин, у женщин и детей,
Песня — самый дорогой подарок
Каждому для жизни его всей.

Что такое счастье? Ты не знаешь?
Так послушай, я скажу тебе:
Это то, что ты себе желаешь
В личной жизни и во всей судьбе.
Объяснить словами не возможно
Что такое счастье, потому
Что его почувствовать ведь можно
Каждому лишь только самому.
У одних в труде любимом счастье,
У других в любви большой оно,
Кто-то одарен им божьей властью,

А кому-то это не дано.
И к тому ж не может постоянно
Быть счастливым каждый человек,
Потому что время беспрестанно
Изменяет чувств душевных бег.
И наверно правильнее будет
Так сказать, что счастье есть вокруг,
И оно всегда приходит к людям
Не случайно, но порою вдруг.
Так что быть счастливым человеком
Можно в жизни только иногда,
Ибо нас в пути любого века
Может встретить счастье иль беда.

В том, что мир не без добрых людей,
Сомневаться не надо, друзья.
В жизни долгой и сложной своей
Убеждался не раз в этом я.
Мне везло на хороших людей,
Может был я удачлив всегда,
Много верных встречал я друзей,
Даже спаянных кровью в боях.
Я ценю дружбу так же как честь.
Человека люблю я того,
У кого вера, совесть и преданность есть,
Уважаю всем сердцем его.
Друг, товарищ, — высокое званье.
Нет другого превыше его.
Это имя как символ признанья

Человеку дороже всего!
Так дружите, друзья, не стесняйтесь.
Берегите, храните друзей!
И тогда, в чем я не сомневаюсь,
Будет больше хороших людей.

Традиционный наш
Весенний вернисаж
Мы открываем снова в этом зале,
Лепи, рисуй и мажь,
Что можешь — все покажь,
Чтоб люди эту прелесть увидали.
В тебе пылает дар
Как творческий пожар.
Ты чувств своих сдержать
не в состоянии,
Пусть твой духовный жар
Теплом волшебных чар,
Струясь исходит от твоих созданий.
И каждый зритель вновь
Пусть ощутит любовь
И радость наслаждения красотой.
Ты ж будь всегда готов
Во имя всех богов
Служить искусству
сердцем и душою.

Не балуй ты с девчонкой, парнишка,
Вас судьба свела, как видно, зря.

Молода она ведь еще слишком —
Не дозрела, проще говоря.
Ей играть бы в классики да куклы.
Рано заниматься сексом ей.
Может только недоумок круглый
Закружить любовь

безнравственную с ней.

Оправдать такое развлечение
Совесть не должна тебе посметь,
Если ты свое постыдное влечение
Не способен обуздать суметь.
Соблюдать простой закон морали
Следует, парнишка, и тебе,
Чтоб девчата ваши не страдали
От любви в амурной суеде.
Чтоб конкретным до конца остаться,
У меня тебе совет, брат, есть:
Следует наверно постараться
Уберечь девицы этой честь.

Из крупных битв великих войн,
За исключением Сталинградской,
Не назову других я бойнь,
Подобных Курской битве адской.
Сошлись здесь танки с двух сторон
Несметной силой беспредела.
И в мощных пламенах костров
Земля на сотни верет горела.
И грохот, лязг и стон стоял

От бронированных чудовищ,
Горел и плавился металл
На месте танковых побоищ.
И день, и ночь слились в одно
Вокруг пылающее пекло.
Тут над землей нашей родной
Покрыли небо тучи пепла.
В кровавом месиве солдаты,
Подобно дьяволам, чертям,
Гневом, отвагою объята
Рвались в бои назло смертям.
И победили вражьи силы
Ценой огромных жертв они.
Придите вы на их могилы,
Зажгите в память их огни.

Улыбнись, моя милая, ну-ка.
Пусть от счастья сияют глаза,
Пусть горит синим пламенем скука,
И из взгляда исчезнет слеза,
Все печали, тревоги и беды
Пусть оставят тебя навсегда,
И в пути, растворившись бесследно,
Не вернуться уже никогда.
Пусть весенние зори расцветят
Мир в надеждах, страстях и в любви,
И пусть божия искра засветит
Счастьем радости в юной крови.
Не печалься, не жмурься, родная,

Если даже придет к тебе грусть,
И, всерьез ее не принимая,
Улыбнись, и уйдет она пусть.
Если кто-то посмеет обидеть
Тебя, ты на него не сердись,
Помни — даже и в суетном виде
Остается желанною жизнь.

Опять в груди теснятся чувства,
И рифмы мозг мой теребят.
По моновению искусства
Стихи слагаю я опять.
Они приходят произвольно
И часто даже невзначай,
Порою душу ранив больно,
Порою - в сердце зазвучав.
И не случайно, видно, это,
Ведь опыт, добытый в трудах,
В существовании поэта
Весь словно в зеркале в стихах.
Лишь на основе жизни только
Моей, испытанной вполне,
Не сомневаюсь я нисколько,
Стихи приходят вновь ко мне.
Наверно так у всех бывает.
Тех - кто стихи свои творит,
Кто любит, трудится, страдает
Зовут его просто — поэт.

Румянец рдеет на щеках,
В глазах играют искры света.
Стройна, походка так легка,
Я вроде это видел где-то.
Ее чертовская улыбка
С ума свела многих уже.
Стало у них на сердце зыбко
И очень тяжело на душе.
Зовут ее в народе ведьмой —
Она с собой несет беду.
Не надо с ней встречаться мне бы,
Ее я лучше обойду.

Зачем ты, юноша, упрямо
Глядишь все девушке в глаза?
Наверно было б лучше прямо
Словами все ей рассказать.
О том, что чувство заставляет
Гипнотизировать ее,
Любовью будто озаряет
Сердце тревожное твое.
Когда случается такое
С тобой, не следует молчать.
Ведь все равно, не жди покоя,
Придется все перестрадать.

Я стою у краешка обрыва
И смотрю на вздыбленную воду

Разгулявшейся стихии, диво,
Не пытаясь чувств всех побороть.
Вызванных шальной ее игрою
И зовущих в мир безбрежных сил
В подсознание, слышу грохот боя
С трауром бесчисленных могил.
У меня рисуется в сознание
Молнией, сверкнувшей по волне,
Танковое противостояние
В Курске на кровавой той войне.
И еще ужаснее виденья
Возникают в памяти моей:
Отступленья, битвы, наступленья,
Смертью коронованных
ночей и дней.

Так бывает: гром небесный грянет —
У солдата сердце вздрогнет вдруг.
Память ему время возвращает
Всех Побед и бед, военных мук.
И в грозу еще крутой тот берет
Мне, наверное, привидится не раз.
Может быть и кто-то не поверит
В то, о чем я говорю сейчас,
Если не был он там в грозный час
И не пролил кровь свою за вас.

Ты заснула лишь под утро —
Ночь кошмарною была.
Что же, друг мой, «с добрым утром»,

Принимайся за дела.
Кухня ждет, кастрюли, чашки,
Каша, щи, салат, кисель,
Там не стираны рубашки,
Здесь не жарена форель.
Надо в комнатах убраться,
Пыль стереть, цветы полить,
С домуправом разобраться
И ребятам позвонить,
Пообедать и помчаться
В сад мичуринский опять,
Из последних сил стараться
Все полоть и поливать,
Не смотря на все болезни
И преклонный возраст свой,
Всё пытаясь быть полезней
Всей семье своей большой.
А потом бессонной ночью
Думать снова о делах,
Не задумываясь очень
О здоровье и годах.

Отцветает короткое лето.
Месяц Август шагает уже.
Как бывает всегда у поэта
Чувства новые зреют в душе.
Предосеннее веет дыханье
У природы в полях и садах.

И с застольем новогодним,
С песней радостной друзей,
С благоденствием господним
Рождества священных дней.
Новый год как праздник жизни
Нас в грядущее ведет
Всех с рождения до тризны,
Так что: здравствуй Новый год!

В боях крещеный не однажды
Победой, в ранах и крови,
Припомнит русский воин каждый
Военный дым родной земли.
Когда пылали над Россией
Сражений грозных пламена,
Когда своей коварной силой
Сметала все с земли война.
В груди солдата отзовется
Гром беспощадных, страшных битв,
И память сердца встрепенется
О павших в трауре молитв.
За все года, что подарила
Победа миру на земле,
В душе солдата не остыла
Та память выстраданных лет.
Он ею и богат сегодня,
И его бедам не сломать.
Когда-то он из лепла поднял
Свою страну – Россию-мать.

И до последней капли крови
Был верен ей как и сейчас.
Пусть окружают его любовью
Все россияне в добрый час.

Вздохнула Осень Бабьим летом
И расцветила Землю вновь.
И заиграла у поэта
В сосудах творческая кровь.
Душа поэта встрепенулась,
И полились стихи рекой.
Вновь вдохновение вернулось,
Строка ложилась за строкой.
И чувств заветных паутина
Сплеталась рифмами в строках.
И появилась, вдруг, картина
Прощальной осени в стихах.

Я редко говорил: «Люблю тебя».
И ты в себе хранила эту фразу.
Но прожили всю жизнь
до старости любя,
Не изменив друг другу мы ни разу.
И если до конца быть откровенным,
Надо сказать: «Любовь мне помогла
Тебе остаться беспредельно верным
И от превратностей судьбы
меня спасла».

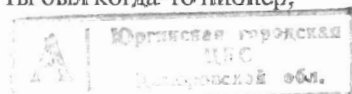
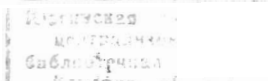
Мы пятьдесят пять лет живем
уж вместе,
Но не припомню я такого дня,
Скажу тебе по совести и чести,
Чтоб перестала ты жалеть меня.
Во всех делах больших и малых
Союз наш крепок был всегда.
Лишь ты мне в жизни помогала
Одoleвать свои года.
И я всегда, как мог, старался
Тебе надежным другом быть.
Счастливый жребий мне достался —
Такую женщину любить.
Прими мои ты поздравленья
С большою датою сейчас.
И пусть грядущие мгновенья
Еще порадуют всех нас.

Кто-то скажет что-то вроде
Иль по пьянке, иль всерьез,
А красавицу доводит
Сплетня та уже до слез.
На завалинке гутарят
Ранним утром мужики
О том, как Иван да Марья
Миловались у реки.
Как из «рога изобилья»
Сыпался догадок рой,
Будто юные любили

Дружку друг ночной порой.
Мужики уж оборзели,
Как всегда, так и сейчас.
Ничего, на самом деле,
Не было у них в тот раз.
По традиции считалось
На Руси давно уже
Не робей, коль повстречалась
Тебе девка по душе.
Не зевай, если намерен
С нею жизнь свою связать,
И в любви своей будь верен
Ей одной, уж так сказать.
Так что тут о свадьбе, видно,
Надо думать, мужики,
А не сплетню постыдной
Чесать с пьяну языки.
Ведь за это и по морде
Очень просто схлопотать.
Говорится так в народе,
Кстати вспомнилось опять.
Все о чем здесь говорилось
Просто, видимо, понять,
Чтоб такое не случилось,
Надо честь и совесть знать.

86345-34

Мне очень нужен твой пример, -
Сказал внучонок деду, -
Ты был когда-то пионер,

Потом — солдат Победы,
Сейчас ты — ветеран войны
И гражданин почетный,
И все тобой восхищены,
Ты — дед мой всенародный.
И быть похожим на тебя
Хочу я тоже в жизни.
И Родину свою любя,
Буду служить Отчизне.
И так как ты, когда-нибудь,
Героем стану тоже,
Так что примером моим будь —
Я на тебя похожий.

Сегодня в День библиотек,
Желанный праздник книгодеев,
Любя вас, поздравляю всех
Хранителей печатных мыслей,
чувств, идеи.
И за священный труд большой
В духовной жизни человека
Благодарю вас всей душой
Как ваш поклонник и коллега.
Так как не мыслю для себя
Без книги жизни плодотворной,
С детства поэзию любя,
Пытаюсь ей отдать долг скромный.
Библиотекари, примите
Сердечный, искренний привет

И делу доброму служите
Еще как можно больше лет.

Поэтессе Грачевой

Весенний беспокойный месяц май
Приветствует Вас снова, Валентина,
И дарит юбилей Вам невзначай
С благословеньем господа
на ваших именинах.
Сегодня о летах не будем говорить.
Не все ль равно их сколько пролетело?
Мне хочется Вас всей душой
благодарить
За все, что Вы успели
в жизни сделать.
Как говорится,
ведь не ровен каждый час,
И с Вами в жизни всякое бывало,
Но Вы сегодня, друг наш,
радуете нас,
Что искра божья в Вас гореть
не перестала.
Привыкли по традиции мы все
желать
Друг другу счастья, здоровья
и успехов,
А мне вдобавок еще хочется сказать:
Душа всегда пусть будет без огрехов.
Пусть радость творчества в душе
рождает чувства,

И жизнь прекрасней станет
на земле,
И Вам поможет волшебство
искусства
Жить долго в поступи грядущих лет.

Пиши картины и стихи,
Рисуй и создавай скульптуры,
Искусству, творчеству служи
И будь поборником культуры.

Жизни суть в преодоление
Всех этапов бытия,
И к тому же одоление
В судьбе самого себя.
Чтоб понять, что это значит,
Надо много пережить
Судеб разных. Как иначе?
Чтобы было с чем сравнить.
Если цель есть и упорство,
Можно все преодолеть,
Коль без лени и притворства
Очень сильно захотеть.
Все во власти силы воли,
Веры, трезвого ума,
Чтоб достигнуть лучшей доли,
Чем предложит жизнь сама.

Дороги

Все перепутались дороги
Сегодня в памяти моей.
Их было в жизни очень много:
То покороче, то длиней.
Порою тяжкие ужасно,
Порою вроде ничего,
Порой со стоп-сигналом красным,
Порой вообще без ничего.
Одoleвать их приходилось
В разных краях
По всем путям.
На них не мало совершилось
Побед и бед, и всяких драм.
Порой они вели в рай божий,
Порою просто прямо в ад.
По ним шагал, бывало тоже
В военном грохоте солдат.
И мне нередко представлялось
По ним идти на труд и бой.
Их было столько, что казалось
Запутан в них весь шар земной.
Так сухопутные, морские,
Воздушные даже под час —
Дороги разные такие
Всех окружают в жизни нас.

О благотворительности

Богато жить не запретишь,
Тому, кто в деле честен,

И потому его барыш
Людам другим полезен.
И может спонсором он быть,
А так же меценатом,
В искусство капитал вложить,
Если весьма богатый.
И главное, если своей душой
Он добрый и не жадный,
И знает очень хорошо
В чем его жребий важный.
Чтобы Отечеству навек
Оставить свое имя
Как гражданин и человек
Поступками своими.
Таких людей нельзя забыть,
Их долго будут помнить
И всей душой благодарить
За щедрость их потомки.

Бег времени

Всегда мне время не хватало.
И жил всегда я по часам,
И торопился — все бывало,
Куда? Зачем? Не знаю сам.
Желал к чему-то пристраститься,
Достичь чего-то я хотел,
Узнать, понять и научиться,
Чтоб это сделать сам сумел.
Считал всегда, что все в порядке,

Что все смогу преодолеть,
И шел по жизни без оглядки,
Чтоб впереди все разглядеть.
Мне до сих пор бывает жалко
В пустую прожитых минут,
Когда ни шатко и ни валко
Они в пути моем идут.
Хотелось бы, лета стряхнувши,
Мне перегнуть свои мечты
И, от безделия проснувшись,
Уж убежать от суеты.

Про жаргоны

О жаргонах говорить
Мы сегодня с вами будем.
Их немало сотворить
Постарались уже люди.
Свой жаргон у моряка:
Вира, майна и полундра.
От простого мужика
Слышишь: шлюха и лохудра.
У бандитов свой жаргон,
Выражаются красиво:
Шухер, вассер, мент и ксива,
Фраер, мусор, крант, притон.
И сегодня молодежь
Говорить умеет лихо:
Бич, коинкретно и балдеж,
Прикололся и чувиха.
Обойти мне тут нельзя

Я, когда с ними вместе бил фашистов.
И вспомнив об одном из них таких,
Не знающих ни страха, ни печали,
Хочу вписать его я в этот стих,
Чтобы о нем потомки прочитали.
Солдат Алешка Решетиллов тот,
О ком сегодня речь наша пойдет.
Служил в разведке уж не первый год.
И что на ум солдату не придет?
Решил проказник подшутить
над фрицем,
Рискнув еще разок, как говорится.
Ночью пробрался на передовую
Немецкой обороны он шутя
И заминировал траншеи втихаря.
Когда же утром началось движенье
Во вражеских окопах, боже мой!
Случилось там такое «представлень»,
Что перед ним бледнеет даже бой.
А Лешка со своих позиций,
Смеясь в захлеб, с друзьями
наблюдал,
Как, прыгая, паниковали фрицы,
Не понимая, кто на них напал.
Подобное случалось с ним не редко.
Ходил он в одиночку на разведку
И приводил частенько «языка»
И оставлял фашистов в дураках.
Хотя война была и не легка,
Она как жизнь разнообразна все же:

В ней поражения и победы есть,
В ней есть и радости, и беды тоже.
Что в ней заключено, не перечеть.
И потому о грустном говорить
Не хочется порой в воспоминаньях,
Хотя пришлось не мало прожить
Трагичных дней в бесчисленных
страданиях.

Истина познания

Учение — не просто сумма знаний,
А воспитанье интеллекта и души
И путь прямой во всем образованье,
Ведущий к достиженью
творческих вершин.
И знания нельзя достичь лишь
в постулатах
И в формулах, и в догмах, и канонах
всех мастей.
Они основаны на неопровержимых
фактах,
На практике реальных жизни всей.
Хоть это рассуждения и все же
Быть может эта версия моя
Кому-то призадуматься поможет
О сущности земного бытия.
А если он еще учитель,
К тому же воспитатель, педагог,
То вы, не сомневаясь в том, учитите,
Что ему думать повелел сам бог,

Я тебе, сын мой, волю дал,
Так проживи достойно век».
Так что свободным быть нельзя
От человечества, друзья.

Видение

Я шел по знакомым тропинкам
И вспомнил, когда-то весной
От свежей травы до суглинка
Мы их протоптали с тобой.
Они заросли травкой снова,
Ведь минуло много уж лет,
Но я под зеленым покровом
Как будто увидел твой след.
Мне юность припомнилась ясно.
И сердце забилося сильней.
Тогда ты бала так прекрасна
Как ангел волшебных тех дней.
Не думал, что это виденье
В душе нарисует штрихи,
Которые мне вдохновенье
Вселяет, и сложу я стихи.

Твоя моей теплее кровь,
Моложе и красивей.
Моя любовь твою любовь
Никак не пересилит.
Ты любишь крепче, горячей
И до самозабвения,

С сияньем пламенных очей,
Без всякого сомненья.
А я люблю скромней тебя —
Без пафоса, без страсти,
Таю любовь внутри себя,
И в этом мое счастье.

Озаренье

Иногда озаренье нахлынет,
Растревожит все чувства в душе.
И как будто из сердца, вдруг, вынет
Образ мной позабытый уже.
Нарисует черты дорогие
У меня в подсознании вновь,
И припомнятся годы былые,
Как в груди расцветала любовь.
Может странно услышать все это
За громадою прожитых лет,
Что еще обозначился где-то
В сердце юности пламенный след.
Его, видимо, время хранило
И уже сохранит навсегда.
Может, важное что-то в нем было,
Раз откликнулось через года.
Не случайно, наверно, приходит
Озаренье сегодня ко мне
И в душе моей вновь хороводит
Скоротечная юность тех дней.
А быть может естественно это
И вполне объяснимо, как знать?

Ведь в душе и в сознание поэта,
Кстати, всякое может бывать.

По сосудам кровь струится,
Согревая тело, душу.
Стало сердце чаще биться
И зимою даже в стужу.
Видно годы ритм сменили
И шагать быстрее стали.
В юности не так спешили —
Дни и ночи не считали.
Много было их в запасе.
Так тогда нам всем казалось,
Но выходит, что под старость
Их почти что не осталось.

Пожелания

Лежит в кровати наш малышка,
Свои ручонки разбросав,
Прилежно чмокает пустышкой,
Зажмурив шустрые глаза.
То улыбается, то хмурит
Порою лоб во сне малыш.
Что ждет тебя? Какие бури
В грядущей жизни победишь?
Какие радости и беды
Ты встретишь на своем пути?
Какие сможешь ты победы
Родной России принести?

Желаем мы тебе, наш кроха,
Чтоб все случилось у тебя,
Чтоб прожил век ты свой не плохо,
Весь мир и труд, и жизнь любя!

След любви

Была любовь короткой очень
Как вспышка искорки во тьме.
Я вспоминаю дни и ночи,
Давно промчавшиеся те.
Но иногда я ощущаю
Как шевельнется, вдруг, в груди
Кровинка радости святая
И сладко душу бережит.
И снова я как будто юный
И восьмидесяти шести тех лет,
Что пролетели в жизни буйной,
Как будто не было и нет.

Давать советы очень просто —
Сложнее выполнить совет.
Ведь нет еще такого ГОСТа,
И эталона тоже нет.
Наверно тут нужна смекалка
И опыт так же нужен тут,
Ума серьезная закалка
Ну и бесплорно, нужен труд.

С этюдов как-то возвращаясь,
Я встретил девушку в пути.
В восторге, ею восхищаясь,
Не мог уж дальше я идти.
В коротком светлом сарафане
Как изваяние стройна
Явилась словно на экране
Передо мной тогда она.
Очень красивы были ноги,
И грудь красивую была,
Когда под вечер по дороге
Она лебедушкой плыла.
Теперь она мне будет сниться,
Тревожа мой короткий сон.
Неужто я сумел влюбиться,
Ее красою поражен?

К юбилею друга

Прокопий Ильич – наш товарищ
и друг,
Земляк, гражданин наш почетный,
Тебя поздравляет семейный наш круг
С большим юбилеем достойным.
Ты прожил великую, славную жизнь,
В ней были и беды, тревоги.
И часто себе говорил ты: «Держись!»,
Когда было тяжело в дороге.
Ты в жизни с победой всегда выходил
Из всех ситуаций серьезных

И честно Отечеству верой служил,
Собою ты жертвуя просто.
Честь, совесть, надежду,
любовь сквозь года
Пронес ты в душе своей чистой.
Ты был, есть, останешься уж навсегда
Идейным навек коммунистом.
Желаем мы, Проня, сердечно,
чтоб ты
Был крепок душою и телом
И, чтоб превращая
в реальность мечты,
Ты смог еще что-нибудь сделать.
Встречая рассветы, закаты живи
На радость семье и Отчизне,
Не будь равнодушным,
страдай и люби,
Будь прежним Прокопием в жизни.

Бабуля

Она была совсем девчонкой,
Когда явился на порог
В ее российскую избенку
Фашист и сделал с ней, что смог.
Посреди хаты без движенья
Она лежала вся в крови,
Когда ушел он с зверьем рвением
Дела паскудные творить.
Ее соседи отходили,
Вернули снова веру в жизнь.

В душе надежду пробудили,
И кто-то ей сказал: «Держись!».
Она, пылая ярим гневом,
Злость затаила на врага
И стала мстить под русским небом
И беспощадна, и строга.
Бывало тяжело в одиночку
Взрывать склады и поезда,
Но освещало в темну ночку
Ей путь с небес ее звезда.
В стане врагов чертовкой звали
Эту девчонку неспроста,
Друзья святою называли,
Хоть на ней не было креста.
Ее не брали пули вражды,
Ей не знаком был подлый страх.
И невидимкой звали даже
Ее во вражеских штабах.
И всю войну судьба хранила
Ее от гибели. Как знать —
Может Россия подарила
Талант ей — круто воевать.
Сегодня ей восьмидесятилетней
С звездой героя на груди
Сказал внучонок семилетний:
«Бабуля в школу проводи».

Конец войны

С победой завершив бои в Берлине
И отложив в сторонку автомат,

- Я хочу, чтоб не было от ныне
Больше всяких войн — сказал солдат.
И присев на камень у Рейхстага,
Он достал заветный свой кисет.
Орден славы, медаль за отвагу
Отразили от сигарки свет.
Таял дым последнего сраженья,
Расползаясь в сквере на траве.
Было не простое настроенье:
Тишина звенела в голове.
И солдату как-то непривычно стало,
Уж отвык от мирной жизни он,
Долгая война все чувства поломала,
И боец в мечты был погружен.
Вспомнились: дом отчий, мать,
невеста.

Шевельнулась грусть в его душе.
Нет ему роднее того места,
Где так долго ждут его уже.
Захотелось нестерпимо встретить
Всех родных, друзей и земляков,
За которых он на этом свете
Жизнь свою в боях отдать готов.

Штрих памяти

Под шум берез, в тени акаций,
Среди счастливой детворы,
Беспечно будешь наслаждаться
Моментом радостной игры.
Когда же вспомнишь свое детство,

Морщина дрогнет над губой —
Отцом подарен был в наследство
Тебе в те дни весь шар земной.
Теперь отцы и деды ваши —
Кто жив, а кто убит в бою,
Кто в списках без вести пропавших
За землю горькую свою.
О них легенды ты расскажешь
Своим счастливым пацанам.
Сейчас представить трудно даже,
Какой бедой была война!
Какое горе и невзгоды
Смогли тогда перенести
Твоей родной страны народы,
Чтоб детству в радости расти.
Понять, пожалуй, невозможно,
Какой ценой был мир добыт.
Все это было очень сложно
И слишком тяжело, чтоб забыть.

Совет врагам

Мы воевали на фронтах
Войны священной за Отчизну.
В освободительных боях,
Ей отдавая свои жизни.
И не стояли за ценой
Во имя праведной Победы,
И шли отважно в смертный бой,
Как и бывало наши деды.
Святая Русь на том стоит,

Ей не в первой с врагами биться.
Народ Руси как монолит —
Он никому не покорится.
Но мы всегда за мир стоим,
За дружбу, счастье и свободу.
И в жизни лишь добра хотим
Любому мирному народу.
Но если кто-то тронет нас
И посягнет на нашу волю,
Он проклянет тот день и час
За то, что выбрал эту долю.
Ибо за это он сполна
Возмездье страшное получит —
Ему покажется война
И ада всякого покруче.
Так что врагам совет такой:
Не суйтесь больше вы в Россию,
Вас ждет здесь лишь разгром крутой —
Непобедимы ее силы!

Долг чести

Расскажи мне, товарищ, о доле
Беспокойной солдатской своей.
Как с сердечной, душевною болью
В смертных битвах терял ты друзей.
Когда в ранах, в крови
с тяжким стоном
Умирал у тебя на руках
Молодой политрук батальона
С отраженьем вселенной в глазах.

И в его стекленеющем взгляде
Жажда жизни светилась еще:
- Напишите письмо моей маме, -
Он, прощаясь, шепнул горячо.
И в трагичную эту минутку,
Ощущая к врагам ярый гнев,
Испытал боль и злость ни на шутку,
Горе в сердце ты преодолел.
Обуянный жестокою мстью,
Ты с отвагой пошел в смертный бой,
Беззаветно с солдатскою честью
Долг священный ты выполнил свой.
И громил беспощадно фашистов
С пламенеющим гневом в душе,
Был в боях беспредельно неистов
На любом огневом рубеже.

Размышление

Мой друг, еще не все мученья
Ты испытал в душе своей,
И основные огорченья
Тебя ждут на исходе твоих дней.

Душа стремится на свободу,
А ты ей хода не даешь.
И так скрипя от года к году
Все еще будто бы живешь.
Точнее просто существуешь
Как отработанный субъект.

Хоть в подсознание все рисуешь
Идей несбыточный сюжет.
Где возникает, словно в сказке,
Мираж земного бытия,
И вновь душа находит краски
Для продолженья жития.

Резюме

В мозгу у нас метутся мысли
О нашем грешном бытии.
И мы порой чего-то смыслим,
Стремясь улучшить житие.
Но время к людям беспощадно
И не дает осуществить
Нам наши планы в срок и складно
И мысль в реальность воплотить.
Но если быть в делах упрямым
И добиваться своего
Настойчиво, активно, рьяно,
Достичь удастся кой чего.
Что было целью и мечтою,
К чему рвалась ваша душа,
Звала к борьбе, к победе, к бою
В сознание чувства вороша.
Так что не властно даже время
Над силой воли и ума,
Там где упорный труд не дремлет,
И вера в вас живет сама.
Должно быть ясно всем теперь:
Чтоб был успех — трудись и верь.

Послесловие

Я в этих версиях своих
Мировоззрение рисую.
Их, одевая в вольный стих,
На большее не претендую.
И буду тем доволен я,
Что этот стих поймет читатель,
И философия моя
Души моей откроет дали.
Где обозначена судьба
Простых людей моего века,
Их радость, грусть, любовь, беда,
Страдания, думы человека.
Пусть эти версии мои
В умах разбудят рассужденья
О том, что жизнь в себе таит
Для будущего поколенья,
Которое уже идет
На смену к нам, свой век прожившим.
И может память пронесет
О нас, Отчизной дороживших
И честно в жизни ей служивших.

Пути, дороги...

Краткий очерк о моей жизни в стихах.

Вступление

Хоть корявым языком,
Расскажу я вам о том,
Что и как со мной бывало
В жизни с самого начала.
И поскольку жизнь моя,
Скажем, очень длинная,
Попытаюсь с А до Я
В алфавит все втиснуть Я.
И читателя прошу
Я о снисхождении,
Если, в общем опишу
Все в стихотворении.
Без подробностей особых
В жизни, коротко и сжато,
По отдельным эпизодам
Гражданина и солдата.
Я советский человек
И останусь им, как видно,
И поэтому свой век
Вспомнить мне теперь не стыдно.
На исходе всех годов,
Выстраданных мною,
Я уже писать готов
Обо всем. Не скрою.
О хорошем и плохом —
Что в пути встречалось,
И об этом, и о том
С самого начала.

Может, где-то повторюсь,
Так как не впервые
Я писал уж, признаюсь,
Стихи и такие.
Ну, а чувства не унять,
Они все тревожат
Память, хочется писать
И о прошлом тоже.
Раз сначала, так сначала
Вспомнить, нет мне мочи,
Как тогда меня рожала
Мать алтайской ночью.
Как за окнами гремел
Майский гром, играясь,
Как орал я и ревел,
В грешный мир врываясь.
Но об этом уж потом
Рассказала мама,
И как грудь беззубым ртом
Я сосал упрямо.
А когда уже подрос,
Что-то понимая,
Задавал я всем вопрос:
Что, зачем бывает?
Так входил я в мир земной,
Его постигая,
Понял как с добром и злом
Всякое бывает.
Вот и наступил тот час,

Когда надо вспомнить будет,
Как мне в жизни и не раз
Помогали добрые люди.
Много было их в пути,
Всех, конечно, и не вспомнить.
Время быстро так летит
Как порой на скачках кони.
Вот встает передо мной
Словно на экране
Возраст шестилетний мой,
Освежив сознание:
Из распахнутой двери
В зимних клубках пара
Влетел, что ни говори,
Дед Мороз с подарком.
В куржаке весь с бородой,
В шубе соболиной.
Оказалось он родной
Мамин брат любимый.
Дядя мне принес альбом,
Акварельны краски,
Написал в альбоме том
Он этюд прекрасный.
Завороженно смотрел
Я на чародейство,
Испытать, вдруг, захотел
Сам то чудодейство.
Дядя стал меня учить
Волшебству искусства
И сумел в меня вселить

Пламенные чувства.
И с тех пор глядеть на мир
Стал я по-иному.
Красота — мой свет, кумир.
Жизни всей основа.
Красота весь мир спасет,
Говорят в народе.
С нею чувств святых полет
Ощутил я, вроде.
А вдобавок ко всему
Мать, поэзию любя,
Дала чувству моему
В рифмах выразить себя.
Стал стихи я сочинять
И этюды рисовать,
Верь мне и не удивись,
Всю оставшуюся жизнь.
Ну, а жизнь случилась длинной.
Детство чередую шло
Где-то в сказках и былинах,
Меня в юность принесло.
Мне исполнилось семнадцать
Еще только полных лет
Я мечтал уже, признаться
Выйти на столичный свет.
И решил в Москве учиться
На художника тогда,
Но судьба, как говорится,
Беспощадна многа.
Разразилась над страной

Супер адская война,
И была с тою войною
Вся мечта погребена.
Словно карточный домишко
Разлетелись планы все,
И пришла учебе крышка
На жестокой полосе.
На которой главным делом
Стала в жизни цель одна,
Чтобы в битвах уцелела
Победив врага страна.
Дом родной – Союз Советский
Гордость наша и мечта,
Где теперь сапог немецкий
Топчет села, города.
Мы же из-за парты школьной
Понеслись в военкомат.
Из нас каждый добровольно
Бить агрессоров был рад,
Потому что воспитали
Нас с рожденья так в стране –
Патриотами мы стали
И готовились к войне.
Зачастую в школьном зале
Постигали курс бойца,
ПТО значки сверкали
На крутой груди юнца.
И на фронте пригодилась
Эта выучка сейчас,
Потому что доводилось

Попадать в цейтнот не раз.
Но об этом еще будет
Время нам поговорить,
Разберемся, как рассудит
Военком, как с нами быть.
Ведь не вышел у нас возраст,
Чтоб сейчас служить в войсках,
Отказать, конечно, просто,
Надо ж что – то поискать.
Выход он нашел отменный
И сказал, косясь слегка:
- Прибыл к нам завод военный
С мест боев из далека.
Так что я мобилизую
Вас пока что на завод,
А на фронт уж обязуюсь
Вас отправить через год.
Так что мне пришлось смириться,
Выполняя тот приказ,
На заводе потрудиться
Для победы в этот раз.
Овладев станком токарным,
Точить мины день и ночь
И суметь трудом ударным
Фронту чем-нибудь помочь.
Год пришел сорок второй,
И июнь подходит.
И ко мне, вдруг, в дом родной
Весточка приходит
Моей радости предела

Не было, я вам скажу.
На заводе, кончив дело,
Уже в армии служу.
Выполняя обещанье,
Военком прислал повестку,
Добровольцем призываясь,
Мне явиться в срок на место.
Туда где формировалась
Сто пятидесятая
Дивизия Сибирская
Добровольческая сталинская,
На Кузбасской на земле
У Томи реки в Юрге,
Приняли присягу мы
И прошли ученья.
И отправились в бои
С новым пополнением.
В августе с полком стрелковым
Сто пятнадцатым Сибирским,
С маршевою ротой
В эшелоне, путь не близкий,
Еду я с пехотой.
Пропыхтел немало суток
Сквозь леса и пашни
Поезд, стоп опасно будто
Дальше. Значит пешим маршем.
К Сталинграду путь лежит.
Там Чуйков дерется,
А чтоб немцев окружить
Нам приказ дается.

Рассказать в стихах о том,
Как все было сложно,
В эпизоде лишь одном
Просто невозможно.
Много повестей, поэм
Сложено об этом,
Но и в них ведь, между тем,
Лишь фрагменты это.
Потому что в Сталинграде
Дни и ночи шли бои,
Беспрерывно и в сознание
Удержаться не могли,
Ни солдат, ни очевидцев,
Побывавших в пекле том,
Нельзя объять, как говорится,
Необъятное при том.
Но закончим рассужденья -
Обратимся к фактам, друг,
Что в те страшные мгновенья
Испытать пришлось мне вдруг.
Утром в девять в бой вступила
Рота прямо с марша,
И, не скрою, страшно было
В битве рукопашном.
Но вели в сраженье смертном
Клятва и отвага
Всех на подвиг беспримерный
Нас под красным стягом.
Бой часа четыре длился
Над обугленной землей

Дым и смрад густой клубился,
Застилая свет дневной.
Поле все покрыли трупы,
Много техники сгоревшей,
Болью, скорбью сводит губы
У нас, в битве уцелевших.
Только сорок из двухсот
На участке фронтовом,
Даже оторопь берет
При раскладе брат таком.
В результате этой бойни
Удалось нам фрица
Только в первом эшелоне
Потрепать, как говорится.
Но чтоб выполнить задачу
Оборону их прорвать,
Надо было не иначе
Бить, пожалуй, еще пять.
Так атака за атакой
Беспрерывно шли бои,
И фашисты в контратаках
Силы тратили свои.
Пополнения и резервы
Шли все дни к передовой.
На пределе были нервы,
У солдат, идущих в бой.
Десять верст тогда осталось,
Чтобы окружить врага
И фашистскую ту гадость
Разгромить в волжских снегах.

Удалось нам сделать это —
Побежден коварный враг.
И шагнул в страну Советов
Победы главной первый шаг.
К сожаленью, был я ранен
В том решающем бою,
В эвакуогоспиталь отправлен,
Рану залечить свою.
Помню все, как это было —
Сталинград освобожден.
И, хоть рана больно ныла,
Рад, что враг был побежден!
А в тылу в госпитальных палатах
Нас от ран исцеляли врачи,
Иногда у постели солдата
В бой со смертью вступая в ночи.
Там меня подлечили отменно,
И на фронт я отправился вновь,
Чтоб сражаться с врагом,
несомненно,
За свободу, за веру, любовь.
И под Харьковом уж в разведроте
Отделеньем командовал я.
На переднем краю мы пехоте
Помогали в жестоких боях.
Но не долго пришлось
мне здесь биться,
Снова госпиталь, снова врачи.
Не устану я ими гордиться,
Они здорово могут лечить.

Вскоре снова военные будни,
И уже Днепр форсируем мы.
Кто там был, никогда не забудет
Дней Днепровских той
адской войны.

Переправа тогда подвергалась
Непрерывной бомбежки врагов,
Земля, небо, вода - все смешалось,
Днепр лишился своих берегов.
Я тогда был опасно контужен:
Бомба рядом почти взорвалась,
И взрывною волной удосужен
Был впечататься в землю в тот раз.
Снова госпиталь, страшное дело
Всех систем травматический шок,
Под угрозою жизнь, дух и тело
Положись на судьбу и на рок.
Но кудесники в белых халатах
Не однажды спасали меня
И сегодня с душою солдата
Оказались на линии огня.
Много дней и ночей пролетело.
Я учился ходить, говорить,
Видеть, слышать и главное дело
Жить, надеяться, верить, любить.
Медкомиссия решила
Вроде бы меня списать,
Меня это возмутило,
Я ж хочу на фронт опять.
Военврач полковник, хмурясь,

Поглядел сурово
И сказал: «Какая дурость,
Дурость право слово!»
Но сдаваться не привык
И доказывал, что снова
Стал здоров я словно бык,
Это тоже право слово.
И с полковником на Ты
Спорил уж до хрипоты
Я, у ног его валяясь,
Убедить его пытаюсь.
Непреступный как скала
Он устало вдруг сказал:
«Ведь пойми, товарищ мой,
Ты солдат не строевой,
Не могу в смертельный бой
Я послать тебя, родной.
Мы пошлем тебя солдат
Вновь на фронт, но в автобат,
Чтоб ты в армии служил,
Бомбы летчикам возил,
Чтоб бомбили они фрицев.
Сможешь там ты пригодиться
И к Победе причаститься».
Так по доброй его воле
Я и этим был доволен.
И в хорошем настроенье
Снова уж попал в сраженья.
В пятой армии воздушной
Коллектив был очень дружный.

Там в сто первом автобате
И армейском, скажем кстати,
Снова стал я воевать
По-гвардейски, так сказать.
Командиром отделенья
Шоферов меня назначил
Командир подразделения
Нушкьян. А как иначе?
По дорогам Европы взметали
Пыль дорожную множеством шин,
Подвозя тонны гибельной стали,
Боевые колонны машин.
Над нами «мессеры» летали,
Они бомбили часто нас,
Но мы пути одолевали
И побеждали каждый раз,
Успешно выполнив приказ.
Так пол Европы я изездил,
Смертельный груз перевоза,
Не уронив солдатской чести,
Хоть была трудною стезя.
К тому ж комсоргом батальона
Мне довелось попутно быть,
Стремясь к Победе неуклонно,
Советской Родине служить.
Я оправдал сполна доверье
Своей страдающей страны,
Ей всей душой и сердцем веря
Прошел сквозь ужасы войны.
Я в сорок пятом в светлом мае

Победу встретил за рулем
И рад был, что страна родная
Уже расправилась с врагом.
Но сразу демобилизоваться
Мне в общем как-то не пришлось.
Не будем, кстати, углубляться -
Дел разных множество нашлось.
В сорок седьмом году лишь снова
Я прибыл в дом родной к себе
Весьма живой, вполне здоровый,
Благодаря своей судьбе.
Ну, а отсюда по подробней,
К себе значит в Сибирь свою,
О ней в сражениях я помнил
И защищал ее в бою.
На гражданке жить труднее,
Чем в сраженье на войне.
Там опасней, здесь сложнее,
Там отважней, здесь умнее,
Так казалось раньше мне.
Но порой в круговороте
Всех житейских перемен
То в быту, то на работе
Вдруг окажешься в цейтноте
Нерешенных всех проблем.
Честь и совесть, ум, отвага,
Опыт, добытый трудом,
Нас тогда вели, однако,
К цели на пути крутом.
С нами всякое бывало,

Час неровен - жизнь есть жизнь,
Нас порой судьба ломала,
Если сможешь, то держись.
Знать свое предназначенье
Ведь не каждому дано,
Из своих всех увлечений
Надо выбрать лишь одно.
Ну, а если их так много,
Что никак не разобрать
С чем и где твоя дорога,
Чтоб ей жизнь не зря отдать.
Значит, стоит испытать
И, что надо, поискать.
Потому профессий много
Перепробовал и я,
Чтоб найти свою дорогу,
В жизни божий мир любя.
То я токарь, то художник,
Педагог иль культработник,
То конструктор, то хударук,
Не щадя, ни ног, ни рук.
Был артистом и поэтом,
И в театрах, и в газетах.
Приобрел образование,
Но, естественно, заочно
Через труд, через призванье
В жизнь вошел довольно прочно.
И попутно, между прочим,
На общественных началах
Много дел различных очень

На пути решать встречалось.
Это коротко, а если
Все путем расшифровать
И подробно рассказать,
Может станет интересней.
Дай же бог терпенья мне
Вспомнить по конкретней,
Как порой шел в суете
Путь мой многолетний.
Кое-что уж отзвенело
В жизни: детство, юность, зрелость
И теперь уже осталось
Видимо лишь только старость.
В детстве много, кстати, было
Эпизодов разных,
Время что-то сохранило
В памяти прекрасно.
Вспоминаю для примера,
Как был пионером —
Активистом был усердным
В своем деле с верой.
И во всех мероприятиях,
Проводимых в школе,
Принимал всегда участие
Я по доброй воле.
И то в творчестве, то в спорте,
В кружковой работе,
Иногда в любви к искусствам
Раскрывал все чувства.
Волейбол, коньки и лыжи,

Городки и бабки,
И лапта, и даже чижик,
Игры в салки и прятки,
И в Чапаева порою,
И в разбойников, не скрою.
Так в движенье беспредела
Закалялись дух и тело.
И в труде не тяжело было,
Детство славно проходило.
Так с отцом я каждое лето
На покосе был с рассвета,
То копейки подвозил,
А подрос - траву косил.
И стога метал, бывало,
Когда сила позволяла.
И испытывал мгновенья
Я приятные всегда,
Поднималось настроенье
От посильного труда.
И по дому я с охотой
Выполнял свою работу,
Маме в этом помогая,
Никого не упрекая.
Потому, что от труда
Видел пользу я всегда.
Много разного приходит
Мне на ум из детских лет.
Память снова хороводит,
Даже просто сладу нет.
Но уж юность у порога -

Надо честь и ей отдать.
Уж пытался я немного
О ней что-то рассказать.
Да. Была она тревожной.
Кровью окропив года,
С нею шли в пути дорожном
Страх, печаль, война, беда.
Но бывали и просветы
Среди хмари на войне.
И художникам, поэтам
В стихах и на полотне
Может быть удастся где-то
Отразить моменты те.
Обжигает сердце болью старой,
Вспоминаю грозные бои,
И поет Покровский под гитару
Песни задушевные свои.
Мы их тоже пели на привалах
Меж боями, трубки раскурив,
Песня на войне нам помогала
Оставаться под огнем в живых.
Песня украшала быт солдата,
Облегчала ратный труд она,
С этой песней боевой, ребята,
Легче нам казалась и война.
И еще не раз на наших встречах
Ветеранов и однополчан
Песня та походная сердечно
Прозвучит под русский наш баян.
Иногда артисты приезжали

И пленэры, и походы.
Время шло - летели годы,
Я - отличник просвещения,
Педагог учитель я —
Вот мое предназначенье
И профессия моя.
Все что здесь я написал,
Может быть и куцевато,
Ведь остался материал,
Много в мой рассказ не взятый.
Так как жизнь разнообразна,
В ней сюжетов много разных.
Все нельзя переварить,
Если, кстати, честным быть.
Но сказать уж до свиданья
Мне не хочется, друг мой,
Может быть в воспоминаньях
Еще встретимся с тобой.
А пока пусть это будет,
Лишь набросок иль канва,
Пока память не отсудит
Возраст и еще найду слова.
Не случайно вспомнить старость
Мне пришлось уже сейчас,
Хоть мне раньше удавалось
С ней сотрудничать не раз.
Помогали в том надежда,
Вера, страстная любовь,
Разжигая, как и прежде
Мою старческую кровь.

Но об этом уж другую
Надо повесть написать,
А сегодня запятую
Мы поставим, так сказать.
Запятая ведь ни точка,
Вновь продолжим мы рассказ,
Никакая уж отсочка,
Видно, не нужна сейчас.
Помню, как в пути сумбурном
Я профессию искал
И случайно в жизни бурной,
Вдруг, в дом отдыха попал.
Не на отдых — на работу,
Посоветовал мне кто-то.
Так в Ашмаринских пенатах
Стал уже массовиком
Не случайно, ведь когда-то
Был артистом и, притом,
Со своей творческой натурой
Мог легко организовать
Вечер отдыха культурный
И полезный, так сказать.
Ведь бывает же на свете
Миг загадочней всего,
Неожиданно здесь встретил
Педагога своего.
Принося к нам знаний ворох,
Учил разуму уму
Сергей Федорович Суворов.
Я признателен ему.

Хоть не мало в жизни видел
Разных я учителей,
Но остался в лучшем виде
Он лишь в памяти моей.
Вот и тут моя с ним встреча
Не осталась без следа,
И судьба уже навечно
Изменилась здесь тогда.
Посмотрел учитель строго
И задал вопрос такой,
Как, пройдя большой дорогой,
Не решить вопрос простой?
И сказал он мне тогда-то,
Что ж ты опытом богатый,
Жизнью ратной боевой,
Здесь нашел, солдат бывалый,
В развлечении пустом?
А пока еще не вечер
Постарайся цель найти
И призвание покрепче,
Чтобы с пользой век пройти!
Рассуждать не буду много
Еще в детстве у тебя
Все задатки педагога
Обнаружил уже я.
И уверен без сомненья,
Что в образовании
Жребий и предназначенье
Твои по призванию.
Коль не против назначенья

В нашу школу - могу дать,
Рисование и черчение
Будешь ты преподавать.
После этой мудрой встречи,
Жизнь в душе перетряхнув,
Согласился в тот же вечер,
Я к нему перемахнув.
Так на путь довольно сложный
Я вступил, рискнув тогда,
Хотя знаний всевозможных
Не хватало мне всегда.
Что ж? Заочно я учился
В институтах восемь лет
И в своем труде добился
И успехов, и побед.
Педагог Суворов славный
Меня в путь благословил,
С ним ликбез свой самый главный
В том пути я проходил.
В Тимир-Тау и в Малиновке
В течение трех лет
Еще, вроде, по старинке
Отпечатал первый след.
В Тимир-Тау самый важный
В жизни шок случился:
Навсегда я и однажды
Здесь уже женился.
Сделаю акцент особый
В этом самом месте –
Рассказать полнее чтобы

Смог я о невесте.
Хоть на свете видел много
Разных приведений,
Но ни где еще такого
Не встречал виденья.
Мне на встречу по дорожке
Летело созданье,
Земли чуть касались ножки,
Стан как изваянье.
Стройна и прекрасна
И с улыбкой ясной.
Полы легкого халата
Словно крылья развевались,
Ветерком в лугах заката,
Нежно ножки обнажались.
Во мне что-то пробудилось,
Растревожив чувства снова,
Сердце радостно забилося
От видения такого.
И я понял, что уже
Нахожусь на рубеже
Между счастьем с женой
И свободой мужской.
Нам свобода не преграда —
Все случилось так как надо.
Время попусту не тратя,
Нас свела однажды сватья.
Мы понравились друг другу,
И уж все пошло по кругу.
Встречи, ЗАГС, знакомство, свадьба,

Гости, «Горько», пир горой,
Родственники, сестры, братья
И забот попутных рой.
Постепенно жизнь входила
В колею, как говорят,
Зоя деточек лечила,
В школе я учил ребят.
В Тимир-Тау уважали,
Нас с женою, все всегда,
И, бывало, помогали
при проблемах иногда.
Нас серьезно опекала
Зина — сестра Зоина,
Собой жертвуя бывало,
Всем обеспокоена.
При ее прямом участье
Строили свое мы счастье.
В нятыдесят шестом году
Мы приехали в Юргу.
Здесь у нас родились дети —
Нам дороже всех на свете.
Были, есть, будут всегда,
Не взирая на года.
Уже правнуки и внуки
Развлекают нас от скуки
И заботятся о нас,
Как всегда так и сейчас.
Здесь в Юрге причал наш главный,
С ней прошли мы путь свой славный
До преклонных уж годин,

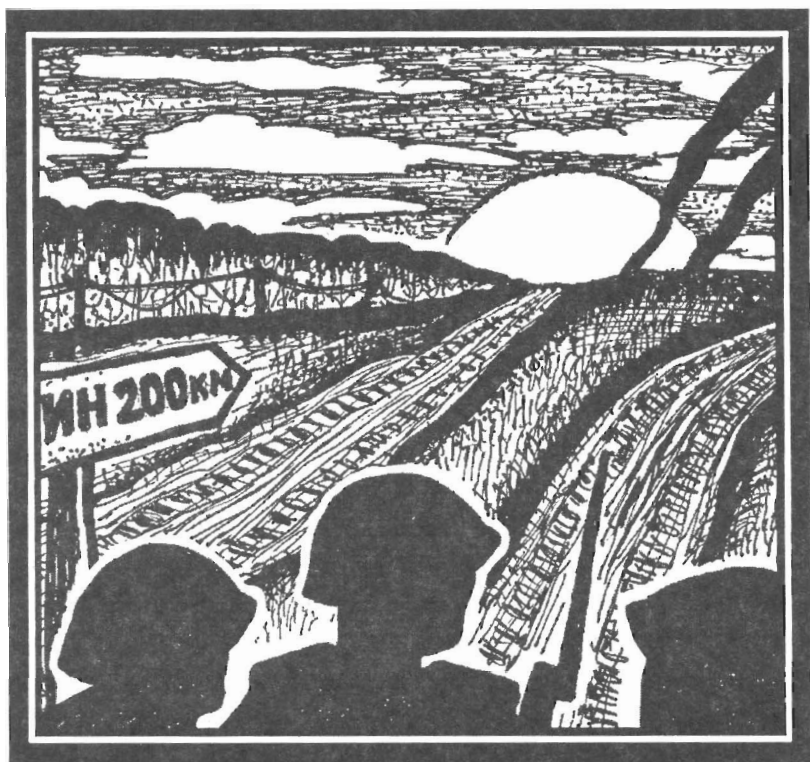
С серебром мудрых седин.
Все, чем я богат сегодня,
Чего в жизни я хотел,
При участии господнем
Я достичь в Юрге сумел.
Мне супруга помогала,
Во всех творческих делах
И, что важно, не мешала
Быть в общественных рядах.
Пятьдесят пять лет мы с нею
Живем в дружбе и согласье
И в любви, и что имею
Называю просто счастьем.
Я писал стихов не мало
О Юрге и о себе,
Объясняя в них бывало,
Что она в моей судьбе.
По юргинским проспектам,
бульварам
Прохожу я, свой город любя,
И горжусь я Юргою недаром,
Называя юргинцем себя.
В этом городе светлом, зеленом,
Откровенно и честно скажу,
По сыновьи сердечно влюбленным
Пятьдесят с лишним лет я живу.
Все проблемы, заботы, тревоги,
Растворяются в дымке времен,
Когда вместе со мною в дороге
Верным спутником шествует он.

Для кого-то места есть милее
На великой Российской земле,
Для меня же Юрга всех роднее
Стала в поступи прожитых лет.
Здесь поставим еще запятую,
Чтоб естественно было опять,
Тронув память свою не впусую,
Может быть еще что-то сказать.
О том, что сохранилось в сознание
И тревожит её иногда
Уж с большого теперь расстоянья,
Где остались былые года.
Так, что в общем рассказ не окончен,
Есть о чем мне еще рассказать,
Если только конечно захочет
Кто-нибудь еще что-то узнать:
Пытался брать предел желаний,
Как говорят не по плечу,
Но в результате всех стараний
Не достигал, чего хочу.
Этих хотений было много,
Их было просто через чур,
Если сказать не очень строго
Сплошной какой-то конфитюр.
Не мог ни как остановиться
На чем-то скажем на одном
И не хотел остепениться
В своих желаниях притом.
Не слушал я чужих советов,
Своим умом пытался жить,

И если ошибался где-то
За то себя лишь мог корить.
Так и живу, с самим собою
Будто всегда наедине,
И часто мнение чужое
Бывает безразлично мне.

Послесловие

Безусловно, невозможно
В кратком очерке создать
Образ жизни долгой сложной
И о ней все рассказать.
Потому не обессудьте
За отсутствие деталей
И довольны, кстати, будьте
Тем, что что-то все ж узнали
О нас и о жизни нашей,
Кто немного вас постарше.
Познается все в сравненье.
Мы о прошлых всех мгновеньях
Знаем лишь от очевидцев,
Веря им, как говориться.
И мои все откровенья
Верны, так же без сомненья.
И как факт литературы
Они писаны с натуры.

Фронтовые рассказы

СЮРПРИЗ

Знаете ли вы, что такое шпрингельная мина? Это металлический стаканчик емкостью примерно в один литр, внутри которого находится второй стаканчик с зарядом из взрывчатки, заполненный шрапнелью. Такая мина закапывается в землю вровень с поверхностью почвы. Если наступить на усики или выдернуть колечко с боку, к которому обычно привязывают тонкую проволоку, то сработает взрыватель. Вначале раздается характерное шипение, затем из-под ног вылетает метра на полтора вверх меньший стаканчик и с треском разрывается. Шрапнель с невероятной силой разбрасывается во все стороны. Вот с такими прыгающими минами мне впервые довелось встретиться под Харьковом и наблюдать их коварное действие.

Шел июль 1943 года. На Втором украинском фронте готовилось большое наступление советских войск. Инициатива была в наших руках. Немцы держали оборону в несколько эшелонов. Бывалые фронтовики тогда поговаривали:

— Трусоват стал немец, в землю зарывается. После Сталинграда вся спесь с него слетела!..

В районе, где расположилась наша разведка, передний край немцев был усиленно запутан колючей проволокой и заминирован шпрингельными минами.

За проволокой шли три линии траншей с блиндажами, дотами и дзотами. По имевшимся у нас данным, основные силы противника размещались во второй и третьей линиях. Было замечено, что иногда по ночам из передней линии обороны огня не велось вовсе. Даже ответного. Похоже было, что траншея пустовала, и вот в одну из таких безогневых ночей старшина Алексей Решетиллов, или по-нашему просто Лешка, решил совершить вылазку в оборону к немцам, узнать, есть ли кто там и почему не стреляют. Особой надобности в этом, конечно, не было. Просто любопытство заговорило. Получив разрешение командира взвода, старшина отправился к фрицам в гости.

Мы стали наблюдать за Лешкой, что оказалось довольно сложным делом: его кошачья фигура тотчас растворилась в ночи.

...В напряженном ожидании тянулось время. Мы пытались пред-

ставить себе действия товарища: вот он лезет через ничейную полосу, подползает к минному полю, делает среди мин и в проволоке проход, потом скатывается во вражескую траншею...

Мы мысленно проследили весь обратный Лешкин путь. Выходило, что он должен появиться с минуты на минуту. Но прошел еще час, а Решетилова все не было.

На вражеской стороне стояла тишина, и это нас немного успокаивало. Немцы ритмично навешивали осветительные ракеты: С легким хлопком взлетали они в черное небо и долго опускались, догорали, не достигнув земли. На востоке уже начинал светлеть край неба. Где же наш старшина?.. Но что это? Будто камыши дрогнули. Лешка! Он прыжком достигает нашего окопа, соскользнув вниз, мгновение лежит не шевелясь, затем вскакивает и хохочет:

— Не заметили!

Лешку окружают, тискают, расспрашивают. А он, усталый, мотая головой, смеясь говорит: — Ох, братцы, будет потеха!

Никто ничего не понимает. Тогда Решетилов, посерьезнев, обстоятельно докладывает нам о результатах своей вылазки. Пробираясь к немецким траншеям, ОН снял две шпрингельные мины и захватил их с собой, чтобы сделать фрицам сюрприз. В немецкой траншее было тихо, сюда лишь глухо доносились вражеские голоса и бряцание оружия. Здесь Алексей поставил одну мину, другую он закопал у фашистского блиндажа.

— Представляете, какой переполох наделают там эти мины! — воскликнул Лешка, заканчивая свой рассказ.

Интересно, как будут фрицы реагировать на Лешкин сюрприз? Ведь должен же кто-нибудь из них в течение дня появиться в этой траншее.

Наблюдать за немцами было удобно: Донец в этом месте делает поворот, и от переднего края врага нас отделяла заросшая камышом нейтральная полоса в 400 метров шириной.

С утра было все спокойно. Но вот в одиннадцать часов дня в том самом месте, где, по словам Решетилова, он поставил первую мину, грохнул взрыв и раздались дикие вопли. Лешка торжествовал, и мы радовались вместе с ним. Вскоре сработала вторая мина. В ответ на ее взрыв

немецкая оборона открыла кинжальный; огонь по нашему переднему краю и нейтральной полосе.

Решетилов не без гордости заметил:

— Ишь как салютуют моему сюрпризу!..

Вот что такое шпрингельная мина.

ОРЛИК

— Ко мне, Орлик, милый, ко мне! — позвала Валя.

Когда дым от взрыва снаряда рассеялся, мы увидели, как собака, прижимаясь всем телом к земле и волоча заднюю ногу, ползла к траншее.

— Ранили. Гады! — голос девушки задрожал, она всеми силами старалась сдержать рыдание. Над бровями образовались две белые полосы.

Уже скоро год, как Валя с Орликом появились на, передовой. Это были два до самозабвенья преданных друга. Человек и собака. Они делали опасное, но нужное дело, которое крепко сроднило их.

— Он меня не только по взгляду, но даже в темноте, по одному дыханию понимает,

— однажды сказала солдатам Валя и, лаская серую морду четвероногого друга, добавила:

— И я его тоже.

Особенно удобно было работать с собакой в ночном бою. Орлик быстро находил раненого бойца, Валя делала ему перевязку, укладывала на специальную палатку, и они вдвоем с собакой волоком осторожно вытаскивали его с поля боя. Делать это часто приходилось под сильным вражеским огнем. И мы все удивлялись тому самообладанию и спокойствию, с какими друзья выполняли свою нелегкую миссию.

Наша часть двигалась к Сталинграду с северо-запада на соединение с армией генерала Чуйкова. Бои шли беспрестанно. Линия фронта была изрезана зигзагами. Иногда какой-нибудь захудалый овражек в течение суток переходил из рук в руки не один раз. После таких боев оставшиеся в живых валились с ног от смертельной усталости.

Во время передышки между боями комбат коротко спрашивал

у Вали: «Сколько?» И так же коротко медсестра отвечала:

— Двенадцать... Или пятнадцать. Это значило, что столько раненых она доставила с поля боя в санчасть...

И вот сейчас ее лучший друг ранен. Немцы ведут сильный артобстрел переднего края нашей обороны.

Валя поползла навстречу Орлику. Но как только она стала к нему приближаться, рядом взорвался очередной снаряд.

На миг все исчезло в облаках дыма, пепла и земли... Сердце обдало жаром, когда мы увидели нашу любимую сестричку, лежащей в луже крови. Рука и обе ноги были перебиты осколками, на шее под подбородком зияла рана.

Мы пустили в ход все бинты, замотали, как могли, раны.

Валя на мгновение пришла в сознание, открыла глаза и глухо спросила:

— Где мой Орлик?

Мы молчали. Она поняла все. Крупная слеза скатилась по виску и запуталась в светлых кудряшках волос. Валя вновь потеряла сознание. Мы на руках унесли ее в медсанчасть. Военврач, осмотрев раны, распорядился готовить ее к отправке в полевой госпиталь.

Нам он сказал:

— Ранение тяжелое. Надежд на выздоровление мало. Большая потеря крови. Сделаем все, что в наших силах. И, хмурясь, весь в заботах, ушел вслед за санитарями...

Прошло четыре месяца. Окружение Сталинградской группировки немцев было завершено, и нашу часть перебросили в район среднего течения Дона. Мы стояли в обороне. Однажды с почтой пришло письмо от Вали. Писала она из эвакогоспиталя: «Дорогие товарищи однополчане, решила я написать вам, моим боевым товарищам, о своих радостях. Извините, что долго молчала, не хотела писать о горестях. Пережить мне пришлось много, лечение было трудное, но теперь все позади. Я уже хожу сама, скоро буду танцевать вот только на шее остался некрасивый шрам. Прошусь к вам на фронт, но пока отказывают и даже сердятся, а мне на фронт надо обязательно — рассчитаться с фрицами за Орлика.

Дальше она писала о госпитале, о жизни тыла и заканчивала словами: «Всеми мыслями и сердцем я с вами».

Спустя месяц, она: снова появилась среди нас. Теперь она работала одна. Часто вспоминала об Орлике. В свободное от своих медицинских забот время училась снайперскому делу. Вскоре на прикладе ее винтовки красовались пять вырезанных букв «Орлик».

Как-то я спросил у нее:

— Что это означает?

Девушка ответила:

— Когда я убила первого фашиста, я вырезала букву «О», после второго — букву «Р», и вот так у меня получилось уже «Орлик», а теперь буду под каждой буквой ставить звездочки.

И на ее лице засветилась улыбка.

ГЛАЗА

Когда вспоминают о войне, которую людям моего поколения пришлось испытать в юности, у меня возникает какое-то сложное труднообъяснимое чувство. В этом чувстве сливаются воедино гнев и горечь обиды, гордость и радость победы и глубокая сердечная боль. При одном слове «война» передо мной встают широко открытые женские глаза, в которых отразились одновременно отчаяние и надежда. Эти глаза беспрестанно смотрели нам в лицо в тяжелые годы войны. Они умоляли, просили, требовали. Они вынимали просвинцованную душу из груди. Ни один нормальный человек не смог бы равнодушно смотреть в эти глаза. И мне кажется невозможным их когда-нибудь забыть.

...В излучине Донца висел туман. Наша поисковая группа возвращалась «домой». Шли, молча, настроение было гадкое. Поиск оказался неудачным. При захвате «языка» Горбунов не рассчитал силу удара и рукояткой пистолета, очевидно, проломил немцу череп. Вначале фриц проявлял признаки жизни, что-то бормотал, потом замолк, и когда мы доставили его в расположение наших войск, фашист, как говорят в таких случаях, «сыграл в ящик». Задание оказалось практически невыполненным. Было решено повторить вылазку в соседнем батальо-

не, где наши разведчики уже третьи сутки вели усиленное наблюдение на переднем крае. На высотке, в зарослях дикой груши, мы остановились передохнуть. Здесь располагался наблюдательный пункт дивизионной разведроты. У самой опушки я увидел необычную для данной обстановки фигуру. На вывороченном взрывом корне старой груши сидела, сгорбившись, пожилая женщина. Одета она была в солдатскую телогрейку, выцветшую домотканую юбку и большие не по размеру рабочие ботинки на босу ногу. По плечам ее разметались седеющие волосы. Крупная угловатая фигура отчетливо рисовалась на фоне дальнего леса. Я подошел к женщине ближе. Узловатыми в венах руками она сжимала лежащий на коленях автомат. Серые, глубоко посаженные глаза, не мигая, смотрели за линию нашей обороны, где в тумане виднелись очертания еще уцелевших построек села. Там были сейчас немцы. Я спросил:

— Зачем вы здесь?

Женщина даже не пошевелинулась, только брови ее сдвинулись ближе к переносью.

Я повторил свой вопрос еще раз. Тяжелый взгляд, обжигая мое лицо, выплеснулся из широко раскрытых глаз, в которых дрожали крупные слезы.

— Там моя дочь, — выдохнула, она и почти шепотом добавила. — Они ее повесили...

Высокая грудь женщины часто вздымалась, она смотрела на меня взглядом, до предела обнажившим материнскую печаль и муку.

— Как вы об этом узнали — осторожно поинтересовался я.

— Сама все видела... — тяжело вздохнув, ответила она.

— А потом я ушла... Переползла сюда, к своим.

Женщина еще раз тяжело вздохнула и, поднимая автомат, почти выкрикнула:

— За дочь я буду мстить фашистам сама!..

Она поднялась, выпрямилась. Теперь ее взгляд излучал только гнев и ненависть. Немного постояв, женщина быстрыми шагами пошла к траншее. Еще мгновение — и ее фигура скрылась в ходе сообщения, ведущем на переднюю линию огня. Я смотрел ей вслед и видел перед

собой огромные серые глаза, которые смотрели сквозь горечь слез и требовали возмездия

ПОИСК

Ночное июньское небо сверкало мириадами звезд. Внизу за брусом лениво журчит Донец. Сегодня на передовой снова затишье.

Старшина Решетилов с группой разведчиков вторые сутки изучает сектор действия поисковой группы. Командованию нужен контрольный «язык» для уточнения полученных данных. Брать его решено в районе четвертой роты, где долина, Донца густо заросла камышом почти до самого края обороны противника. Здесь побережье реки с немецких позиций очень трудно простреливается.

Еженочно, как только стемнеет, и до рассвета немцы навешивают над нейтральной полосой осветительные ракеты. Вот и сейчас из нескольких точек вражеской обороны ритмично взлетают, оставляя за собой длинный белый шлейф, яркие фонари и долго горят, покачиваясь в черном небе. Одна из таких точек находится примерно в ста метрах от огневого рубежа фашистов, прямо на ничейной Земле. Как удалось выяснить и наблюдения, и со слов стрелков четвертой роты, там находится блиндаж, соединенный ходом сообщений с линией обороны фашистов.

Решетилов напряженно всматривается туда, где сидят вражеские ракетчики, и с характерным одесским акцентом бросает: — Ну щё ж! Будем отсюда хватать фрица. До рассвета втроем двинем на ничейную землю, день просидим в камышах, дальше, как стемнеет, выползем к их блиндажу и тут подождем немцев, а дальше будет видно. В общем, одного берем, остальным «капут».

Довольно простой план старшины понравился разведчикам. В предрассветном тумане бесшумно перебравшись через Донец, трое притаились в камышах перед огневой линией фашистов. Опытные разведчики знают, что днем на нейтральной полосе чувствуешь себя безопаснее, чем па переднем крае обороны, так как все внимание с обеих сторон, приковано непосредственно к огневой линии противника.

День прошел сравнительно спокойно, если не считать непредусмо-

тренного «Фокке-Вульфа», который на небольшой высоте пролетел вдоль линии дважды и вполне мог заметить тройку, но, видно, не заметил. Все обошлось.

Как только сгустились вечерние сумерки, разведчики подползли к самому блиндажу. Потянулись томительные минуты ожидания.

Так прошел час, показавшийся вечностью.

«А может быть, сегодня не придут», — мелькнуло в голове. Но ведь еще нет одиннадцати. Всегда из этого блиндажа первая ракета вылетала ровно в одиннадцать, а последняя — в три часа ночи.

Принято считать, что немцы любят точность. Ужасно медленно идет время. Наконец, в траншее послышались глухие шаги и разговор вполголоса. Шли двое. Разведчики прильнули к брустверу траншеи у входа в блиндаж и затаили дыхание. В висках стучит пульс, кажется, что в ритм приближающимся шагам.

На левом фланге загорелась ракета. Под ее светом сверкнули две приближающиеся каски. Впереди шел высокий сутулый немец, за ним следовал солдат помоложе, коренастый с автоматом наперевес.

И как это часто бывает, один момент решил исход дела. Решетиллов кошкой бросился на сутулого, сбил его с ног, заломил ему руки за спину и связал их. В тот же миг второй солдат, издав истошный крик, упал замертво, сраженный метким ударом ножа. Связанного фашиста двое разведчиков подхватили подмышки и бегом поволокли к Донцу. Он, механически перебирая ногами, бежал, почти не сопротивляясь, и растерянно бормотал «капут», «капут».

Старшина выскочил из траншеи. Он швырнул гранаты в фашистов, встревоженных криком и возней и открывших огонь по разведчикам...

Поиск завершился удачно. Доставленный в штаб дивизии «язык» оказался ефрейтором мотопехотной стрелковой дивизии. Он дал дельные сведения, которые принесли большую пользу в последовавшем за поиском наступлении.

Николай Черкасов
«Далекое и близкое»

Редактор Быков К. И.
Набор текста Быкова Л. Н., Быкова А. И.
Художник Быков К. И.

Подписано в печать 01.06.2011 г.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,72. Гарнитура NewtonС.
Тираж 300 экз. Заказ № 1325.

Отпечатано в ОАО «Юргинское полиграфическое
производственное объединение».
652050, Кемеровская обл., г. Юрга, ул. Ленинградская, 4
тел. (384-51) 547-16, факс 544-33

10p.

